

**ГЕОПОЭТИКА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: РОМАН
А.ИВАНОВА «СЕРДЦЕ ПАРМЫ, ИЛИ ЧЁРДЫНЬ – КНЯГИНЯ ГОР»**

Пестова О.Н.

научный руководитель д-р филол. наук, доцент Анисимов К.В.

Сибирский федеральный университет

К концу XX века в региональной литературе прослеживается попытка переосмысления исторического процесса колонизации регионов, повышение уровня геопоэтической рефлексии в поисках новой территориальной идентичности. Материалом работы стал роман современного русского писателя А. Иванова о покорении Перми Москвой в XV в. – «Сердце Пармы, или Чёрдынь – княгиня гор» (2003), где автор стремится художественно вообразить Уральский регион как особое культурное пространство в символической топографии русской культуры.

Целью работы является реконструкция семантики художественного пространства романа, что дает возможность установить в тексте новые историко-географические реальности, вписать их в геопанораму русского мира и разместить на оси просвещенческой антитезы «цивилизация – варварство». Методологической базой послужила работа Ларри Вульфа «Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения», в которой рассматривается изобретение «ментальных карт» или «воображаемой географии» и их влияние на восприятие европейцами Восточной Европы. «Ментальная карта» понимается как «созданное человеком изображение части окружающего пространства, которое отражает мир так, как его себе представляет человек, и может не быть верной» [Вульф, 2003: 6]. Схему конструирования (воображения) «чужой» территории, где господствует сверхъестественное и обитают поганые / звероподобные народы, можно наблюдать в исследуемом нами романе.

Важно отметить статус Урала как геополитического шва, что подробно рассматривается в статье Марка Бассина «Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства». [Бассин, 2003: 277-311]. Такой статус Урала определенным образом мотивирует на прочтение хронотопических структур в организации текста.

Проблемам уральской геопоэтики и вписанному в этот процесс творчеству А. Иванова посвящено немало работ: В.В. Абашева, В.В. Мароши, А.С. Подлесных, Н.П. Хрящевой и др.

Геопоэтика понимается в работе как сумма приемов, связанных с моделированием региональной мифологии средствами художественной литературы, «воображением» данной территории, конкретизацией ее символично-топографического положения, а подчас и «изобретением» ее координат на ментальной карте данной национальной культуры.

Важно отметить наблюдение А.С. Подлесных, что в современной прозе об Урале «отчетливо проявляется тенденция к формированию постколониального аспекта в осещении истории освоения Урала. Писатели пытаются по-новому взглянуть на происходящие события: с позиций коми-пермяков, зырян, остяков, вогулов. Так формируется принципиально иной взгляд на историю Урала и, что самое важное, принципиально иная художественная модель, «по-новому явленная картина мира»» [Подлесных, 2012: 16].

Как известно, русское пространство характеризуют свойствами дали, шири и безграничности. Это культурный стереотип. Между тем уральское пространство существенно иное. «На Урале русскому человеку едва ли не впервые открылись земные недра,

их мощь и тайна, и с Уралом в русскую культуру вошла новая модель геопространства, доминирующим началом которой стала не равнинная бескрайность, а темная и неистощимая подземная глубина. Устремленность в земную глубину – это и есть преобладающий вектор формирования региональной уральской геопоэтики» [Абашев, Абашева, 2012: 146].

Романное пространство у Иванова делится на три основных территории – Мертвая Парма (Пермская земля), территория за Каменным поясом (Югра) и Московское княжество. Уральскую территорию населяют множество народностей – вятчи, вотяки, вымичи, вычегодцы, мезенцы, двиняне, печора, зыряне, пермяки, самоедь, вогулы, остяки, черемисы. Здесь существуют два враждующих острога – Чердынь (столица Перми Великой) и Пелым (город вогулов (народа «манси»), территория Югры). «Вогулы – главные эпические враги русских, препятствующие их продвижению на восток, и их мифопоэтическая картина мира доминирует в романе [Абашев, Абашева, 2012: 149]. Русские и пермяки (населяющие Чердынь) оказываются зажатыми между сильной Москвой и мистическими вогулами.

По мысли русских семиотиков, Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, средневековый человек рассматривал географическое путешествие как перемещение по «карте» религиозно – моральных систем (те или иные земли воспринимаются как земли праведные или грешные, поганые или святые). [Лотман, 1996: 239]. Хотелось бы подчеркнуть, что «праведность» Московского княжества не обозначена в романе сакральным центром. Это пространство вообще обезличено и лишено духовного начала. Тогда как «периферийный» Урал персонифицирован, изображен как живой организм, и наделен сакральными центрами – Прокудливая берёза, Сорни-Най (для вогулов). Таким образом, в романе происходит децентрация традиционного русского историко-культурного пространства и воображение новых локусов как новых центров – примечательно, что центр и периферия при этом меняются местами. Показательно использование органицистского дискурса: Мертвая Парма поднимается над поверхностью уральского ландшафта «словно мускул огромного сердца земли, которое обнажилось из-под почвы и медленно бьется вместе с высоким ходом судеб» [Иванов, 2009: 13]. Сердце – как маркер центральности, срединности. Персонификация Пармы подчеркивает её живое участие в жизни народов: она «смотрит в спины пришельцев» и представляется им «не то зверем, не то вогульским богом, не то лесным чудищем»; «каждой еловой иголкой целит... в сердце чужаку» [Иванов, 2009: 438].

Какими же «воображаемыми» качествами наделяется Урал в романе? Урал предстает перед русскими героями А. Иванова бескрайней дикой пармой: «Здесь было мало солнц, <...> зима запирала в избе, как в тюрьме...росли деревья, которые надо рубить всей деревней, <...> всюду слышался гул чужих и страшных богов; чудища-скалы; Здесь люди жили в вечности: спокойные, молчаливые, странные, так и не понятые, навечно чужие люди с нерусскими лицами и глазами, люди в одеждах из шкур, похожие на зверей или оборотней» [Иванов, 2009: 171]. Люди леса подобны потусторонним существам – они мрачные, нелюдимые, таинственные, вызывающие тревогу и страх. Московиты, оказавшиеся в парме, чувствуют себя на окраине христианского мира, где прекращается божий промысел и властвуют потусторонние силы.

С одной стороны, в романе выявляются антихристианские настроения коренных народов, с другой – христианские символы дополняются языческими мотивами. Образы крестителей Урала – Стефана Пермского, Ионы, Питирима, веками оберегаемые церковью, значительно блекнут. Антихристианскую позицию занимает вогульский князь Асыка, предрекающий гибель своего народа и культуры с приходом чужой веры: «Можно мириться с набегами врагов, но нельзя мириться с их богами <...> Если мы поклонимся богу московитов, то у нас уже не будет ни родных имен, ни песен, ни памяти –

ничего». «Бог русов – не наш бог – Наши боги рождены нашей судьбой, нашей землей. А их бог рожден даже не их землей, а самой-самой дальней, где садится солнце и почва от его жара бесплодна и горяча. Что делать этому богу у нас, среди снегов, пармы, холодных ветров?» «руссы своего бога всегда несут себе таким, каковы они сами! Это не вера, а безверие! Это не воля земли, а желание человека! Руссы не принесут нам другого бога <...> они уничтожат всех богов, и будет пустота!» [Иванов,2009: 19]. Эта цитата ясно дает понять о глубокой пропасти между культурами, и огромной ране, которая образовывается после насильственного крещения и истребления памятников языческой вольницы.

Стоит обратить внимание на образ Золотой Бабы (Сорни-Най) – языческой богородицы вогулов. В романе этого идола постоянно крадут, и охота за ним превращается в навязчивую идею, желание обладать золотым истуканом, обрести над ним власть. Но все попытки приводят воров к гибели и другим неприятностям. Желание обладать Золотой Бабой коррелирует с желанием московского князя обладать «чужим» (землей, культурой). Царь так же, одурманенный запахом абсолютной власти, становится глухим к голосам местного населения. В романе есть альтернатива такого насильственного подчинения – это брак пермского князя Михаила и язычницы Тичерть.

Христоцентричное сознание князя Михаила, плененное любовью жены-язычницы, предельно обостряется, оказывается способным видеть в чужой культуре не враждебную, а просто другую культуру. Так, родная для Михаила христианская образность невольно видоизменяется под воздействием яркости языческой культуры. Эта образная «дуалистичность» проявит себя в восприятии князем своей жены Тиче: «И сейчас она вдруг показалась князю Богоматерью – но не такой, к какой он привык: в длинных одеждах, бесплотной, излучающей печаль. Нет, она была языческой богоматерью – нагой, отважной, сильной, как волчица, которая, улыбаясь сама себе, кормит самого хищного волчонка в стае» [Иванов,2009: 96].

В душе князя Михаила происходит синтез христианства и язычества. Из этого складывается глубоко духовное, справедливое мировидение князя, его уважение к Чердынскому «разношёрстному» народу. Недаром за 4-5 лет своего правления Михаил сумел снискать себе славу «разумного правителя». Кроме этого нельзя не заметить преобразования князя, заключающееся в смене им идеологической и психологической позиций: от русского правителя и покорителя территорий, к «вжившемуся», «услышавшему» голоса местных духов, пермскому «иному», которого не могут разгадать приходящие с запада русские. Союз христианина и язычницы заключен по любви, по уважению к культуре и верованиям друг друга (как альтернатива совместимости двух враждующих пространств).

В подтверждение этой мысли приведём размышления князя Михаила о действиях Москвы: «Если бы Москва попросила добром – он бы согласился... Он тоже русский и молится тому же Христу <...> Но Москва не пожелала заметить, что у него, у его людей, у их земли тоже есть душа. И потому, надменно торопясь, Москва попросту сожгла его город. Он, Михаил, стерпел бы все, примирился бы со всем – но не с грязным московским сапогом, наступившим на его душу. А Чердынь была его душой. И теперь он уже не мог покориться. Он не желал покориться как князь, потому что его оскорбили как человека» [Иванов,2009: 285].

Таким образом, Урал в романе А. Иванова предстает перед читателем с точки зрения двух правд: перед Великим князем Московским – это открытое поле для реализации своих желаний. При этом Урал наделяется «воображаемыми» свойствами, он является антихристианским миром варваров по сравнению с праведной Москвой. Другая же правда, и, судя по анализу романа, истинная, показана глазами пермских, вогуль-

ских язычников, у которых тоже есть своя истина, свои ценности и обычаи, чья глубоко древняя культура достойна уважения.

Роман приоткрывает завесу уже давно укоренившегося мнения, что у «периферийных» территорий (Урал, Сибирь и т.п.) нет своего голоса, своей идентичности. Эта мысль подробно аргументирована в работе Э. Саида «Ориентализм», применившего концепцию М. Фуко: дисциплинирование через наблюдение, а не взаимодействие через общение.

Роман А.Иванова нацелен на своего рода «переписывание» имперской диспозиции русской культурной карты, на которой этнические очаги Востока занимали свое раз и навсегда закрепленное и «безгласное» положение.

Литература:

1. Абашев В.В., Абашева М.П. Литература и география: Урал в геопозитике России. Вестник Пермского Университета. Серия: история, 2012, № 2-19, 143-151.
2. Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М: Новое издательство, 2005. – с. 277-311.
3. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.
4. Иванов А. Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009. – 512 с.
5. Лотман М.Ю. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – литература – история. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 464с.
6. Подлесных А.С. Геопозитика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале: Дис. канд. филол. наук: 10.01.01, /А.С.Подлесных.– Пермь, 2008.– 190 с.
7. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В.Говорунова. – СПб.: Русский мир, 2006. – с. 7-144.
8. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т.1. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – с. 318-382.
9. Успенский Б.А. Избранные труды, том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – с. 381-433.